

выключна па сушы, што патрабуе каля 100 пагранічнікаў па вярсту, у той жа час, як мяжа па рацэ — усяго каля 10» [8].

Краёўцы самі спрыялі развіццю адпаведнай гістарычнай свядомасці, выпрацоўваючы ўласную канцэпцыю мінулага Беларусі і Літвы. Гістарычная памяць і звязаныя з ёю пэўныя псіхалагічныя ўстаноўкі былі часткай унікальнага феномену падвоянай свядомасці тыпу *gente Lithuanus (vel Ruthenus) natione Polonus*. Палітыка культурнай русіфікацыі і палітычнай дэпаланізацыі, якую праводзілі расійскія ўлады, спрыяла ўмацаванню ў падвоянай свядомасці менавіта «польскага» кампанента. Польшка-літоўская ўнія трактавалася краёўцамі як саюз роўных партнёраў. Аднак ва ўмовах падзелу літоўска-беларускага абшару па ўмовам Рыжскага мірнага дагавора, прадстаўнікі польскага грамадска-палітычнага руху вымушаны былі адмовіцца ад сваіх ідэй, адстойваць больш-менш прывабны тэрытарыяльны праект, які ўключаў б уласныя землеўладанні ў склад Польскай дзяржавы.

Бібліяграфічны спіс

1. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМВ) — Ф. р-1806. Воп. 1. Спр. 78.
2. Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917 г. / А. Ф. Смалянчук; пад рэд. С. Кульсальверставай. — Гродна: ГрДУ, 2001. — 322 с.
3. Gierowska-Kallaur, J. Problemy polskich struktur państwowych na terenie byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego / J. Gierowska-Kałużaur // Rok 1918. Odrodzona Polska w nowej Europie. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 1999. — S. 137–151.
4. Gierowska-Kallaur, J. Straz Kresowa a Zarząd Cywilny Ziemi Wschodnich: Współdziałanie czy rywalizacja? / J. Gierowska-Kałużaur. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 1999. — 131 s.
5. Konferencja Ryska a nasza granica wschodnia. — Warszawa, 1920. — 69 s.
6. List Polskiej Rady Narodowej ziem białoruskich do Prezydenta Ministrów 12 stycznia 1920 r. // Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). — Zespół 503. Ambasada Rzeczypospolitej Polskiej w Londynie. Sygn. 426. S. 4–6.
7. Obieziński, M. Wspomnienia z polsko-rosyjskiej konferencji pokojowej ryskiej / M. Obieziński. — Warszawa, 1938. — 35 s.
8. Rocznik statystyczny Wilna 1921–1928. — Wilno, 1930. — 510 s.

Довгялло Михаил Степанович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ВКЛАД БЫВШЕЙ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАУКУ, КУЛЬТУРУ И ПОДГОТОВКУ КАДРОВ (НА ПРИМЕРЕ КОРОЛЕВСТВА СХС)

После поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне представители правительства Сербии, Югославянского комитета и Народного вече пришли к соглашению об объединении всех югославянских земель и создании нового государства. 1 декабря 1918 г. в Белграде сын короля Петра Карагеоргиевича принц-регент Александр провозгласил объединение Сербии с Государством СХС и создание Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) [14 с. 12]. Королевство СХС (с 1929 г. Югославия) стало «второй родиной» для

огромного количества российских эмигрантов, прибывших в страну после революции и гражданской войны. Часть беженцев составляли солдаты белой армии, а часть — гражданские лица. Армию генерала Врангеля правительство встретило не как эмигрантскую, а как действующее военное формирование, которое, несмотря на советы из Лондона, решило продолжать борьбу против большевиков [4, с. 24]. Согласно исследованию, проведенному в Королевстве СХС в 1921 г., 69 % русских эмигрантов составляли мужчины, 66 % из которых в возрасте от 19 до 45 лет. Уезжали русские (95,2 %), мужчины (73,3 %), лица среднего возраста — от 17 до 55 лет (85,5 %), образованные (54,2 %) [10, с. 39; 7, с. 17—18]. Русские прибыли в традиционное аграрное общество, где около половины населения страны не умело читать и писать.

Последовательная антибольшевистская позиция Белграда в значительной мере определила решение принять в страну более 40 тыс. русских эмигрантов, а королевское правительство настаивало на официальном непризнании советской власти. Такому поведению политической элиты способствовало несколько причин, одной из которых являлось политическое влияние многочисленных эмигрантов, проживавших в стране. По приблизительной оценке, монархисты в Королевстве СХС имели поддержку 80—90 % политически активных эмигрантов, 8—9 % поддерживали кадетов, а эсеров — всего лишь около 1 % [6, с. 17—18]. Королевство оказалась одним из последних европейских государств, которое признало СССР и установило дипломатические отношения, что случилось лишь 24 июня 1940 г. [2, с. 185; 20, с. 316].

В Королевстве СХС эмигранты из России находились в привилегированном положении. Поскольку до октября 1917 г. Россия предоставляла сербам всю совокупность прав, вплоть до поступления на военную службу [16, с. 179]. Власти открыли двери своей страны перед военными и многочисленными гражданскими лицами, помогли им обосноваться в крупнейших городах и в сельской местности. Причины прагматического поведения сербских властей вытекали из острой потребности нового государства в квалифицированных специалистах. Многие высшие учебные заведения, технические училища и административные органы управления находились в стадии становления и испытывали необходимость в обученных кадрах.

Высшее образование можно было получить в одном из трех университетов — Белградском, Загребском или Люблянском. Крупнейшими были университеты Белграда и Загреба. Они имели философский, медицинский, юридический, физико-математический, агрономический, лесной, богословский и другие факультеты. Правительство Королевства СХС способствовало решению многих проблем русских эмигрантов: получению или завершению образования, нахождению работы после окончания высшего учебного заведения. Русские эмигранты составляли большинство из числа иностранных студентов Белградского университета. Так, например, в 1925/1926 учебном году из 1104 студентов-иностранцев 961 человек были русскими [18, с. 32]. Свыше 1/3 студентов всех югославских университетов учились на юридических факультетах, поскольку государство нуждалось в административных кадрах.

На территории Королевства СХС были действительны, в отличие от других западноевропейских государств, все дипломы об образовании и ученые степени, полученные в России. Даже воинские звания, полученные в России

до Февральской революции, считались действительными [6, с. 11]. Власти нового государства позволили русским эмигрантам открывать свои школы, больницы, библиотеки, книжные магазины, организовывать свои типографии, печатать газеты, журналы, книги. В стране находилось 8 средних учебных заведений, в которых обучалось свыше 2 тыс. учащихся. Они содержались за счет Державной комиссии [3, с. 301].

Российские инженеры, врачи, педагоги, военные, творческая интеллигенция внесли весомый вклад в развитие культуры, науки, подготовке кадров. Русские составляли до 10 % творческой интеллигенции Сербии. В эмиграции было 427 русских ученых, среди них 5 академиков, 140 профессоров русских университетов [18, с. 31]. Русские ученые и профессора работали в Белградском университете, где достаточно быстро освоили и стали читать лекции на сербском языке. Уже в первый после массового прибытия эмигрантов учебный год (1920/1921) больше всего русских преподавателей работало в Белградском университете 43 из 70. Среди них были и ученые европейского уровня, такие специалисты как историк славянского и сербского права Ф. В. Тарановский. Он был профессором энциклопедии права и истории, славянского права Белградского университета. До этого в университете уже 17 лет не преподавалась история славянского права. В 1931 и 1935 гг. Тарановский издал четыре тома «История сербского права в государстве Неманичей» [19, с. 11]. Следует отметить так же, что историк, музыковед, литературовед А. В. Соловьев читал курс по сравнительному славянскому праву на юридическом факультете Белградского университета, занимался изучением истории сербского средневекового права, защитил докторскую диссертацию «Законник короля Стефана Душана» — одно из лучших исследований этого источника. Одновременно в 1921—1935 гг. он преподавал русский язык и литературу в старших классах 1-й русско-сербской гимназии [13, с. 586—587]. Русский историк и филолог, протоиерей, один из наиболее ярких представителей белоэмигрантов, основатель югославской палеографической науки В. А. Мошин [1, с. 183]. В числе его научных интересов были славистика, византистика, славянская и греческая палеография. На философском факультете Белградского университета работал российский и югославский математик, известный как один из основателей белградской школы механиков А. Д. Билимович. Он был одним из основателей Российского академического кружка в Югославии, Математического института Сербской Академии наук, Югославского общества механиков. Участвовал в подготовке пятиязычного словаря (сербско-русско-франко-англо-немецкого) математических терминов. Перевел на сербский язык «Начала» Евклида. Одним из проявлений признания заслуг А. Д. Билимовича в науке и образовании в Королевстве является статья о нем в Югославской энциклопедии, появившаяся еще при его жизни [13, с. 88—90]. В Люблянском университете русских было 15 % от всех преподавателей, родившихся вне Королевства. Меньше преподавателей работало в Загребском университете — 2,7 %. Благодаря своей научной деятельности и знаниям в академии сначала Сербской королевской академии, а потом Сербской академии наук и искусств было принято 11 русских ученых-эмигрантов [17, с. 94—95].

В Королевстве в 1920-е гг. работало несколько талантливых русских архитекторов, деятельность которых способствовала не только переори-

ентации югославского градостроительного искусства от провинциализма к общеевропейским художественным тенденциям, но и в восстановлении сильно пострадавшего в годы Первой мировой войны Белграда (по их проектам был выстроен ряд зданий и сооружений). Российскими специалистами в эти же годы была составлена геологическая карта Македонии, открыт и оборудован большой хирургический госпиталь в Панчево вблизи Белграда и т. д. [5, с. 255].

Опера и балет в Сербии были созданы непосредственно российскими эмигрантами. Хореографы Н. И. Легат и Б. Н. Князев заклали основы классического балета в Белграде. С 1920 до 1941 г. было поставлено 156 оперных и балетных спектаклей, а в 132 участвовали русские артисты [9, с. 203]. В 1929 г. была открыта и театральная школа А. Ф. Черепова с классами художественного чтения, ораторского искусства, сценической практики для певцов и учеников частных школ пения. К концу года в ней насчитывалось 108 человек — как русских, так и сербов — в возрасте от 18 до 63 лет [8, с. 27]. В Хорватии и Словении русское влияние было менее ощутимым. К 1921 г. на территории Королевства СХС было 215 колоний русских беженцев, в Словении и Хорватии находилось всего 30 русских колоний [12, с. 19.]

В Королевстве был создан «Союз русских писателей и журналистов в Югославии», который был принят под духовное покровительство короля Александра I Карагеоргиевича. Самой известной акцией этого союза стало проведение в Белграде в 1928 г. Первого (и единственного) в зарубежье съезда русских писателей и журналистов [15, с. 581].

Выдвинутая русской общиной идея создания своего культурного центра в Белграде была охотно поддержана королём Александром I, патриархом Сербской православной церкви Варнавой, а также многими политиками и деятелями культуры королевства. В двадцатые годы XX в. Белград превратился в один из крупнейших центров российской эмиграции, стал научным и издательским центром в Королевстве и одним из основных в Европе. В стране выходило около 150 наименований русской периодики. Развитию русского книгопечатания способствовал учрежденный в 1928 г. Комитет русской культуры. В Белграде был построен и открыт культурный центр русской эмиграции — «Русский дом им. императора Николая II». В здании разместились: Русский научный институт, Русская публичная библиотека, русско-сербские мужская и женская гимназии, Музей императора Николая II, театральные труппы, балетная студия и другие учреждения. Русский институт занимался активной издательской деятельностью. Так, до начала Второй мировой войны было издано 11 томов [11, с. 9—10]. «Русский Белград» как историко-культурное явление просуществовал два десятилетия, сыграв важную роль в сохранении русского духовного наследия и внес богатейший вклад в развитие науки и культуры Королевства СХС. Югославия явилась единственной страной, где российская диаспора фактически стала частью местного социума [12, с. 3].

Таким образом, российская эмигрантская интеллигенция в Королевстве СХС оказала большое влияние на общественное сознание, внесла вклад в развитие науки, культуры и подготовку кадров для развития страны. Не в пример другим европейским странам, где поселились эмигранты из России, в Коро-

левстве со вниманием отнеслись к своим новым жителям, и со стороны подавляющей части местного населения, и на официальном уровне, и со стороны государственных властей.

Библиографический список

1. Булатова, Р. В. Основатель югославской палеографической науки — В. А. Мошин // Русская эмиграция в Югославии. — М.: Институт славяноведения и балканистики РАН. — 1996. С. 183—199.
2. Довгялло, М. С. Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: справочник /М.С.Довгялло. — Минск: Тетра-Системс, 2006. — 272 с.
3. Ипполитов, С. С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. — М.: Изд-во Ипполитова, 2004. — 376 с.
4. Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах: 1920—1940 /Пер. с сербс. А. Ю. Тимофеева. — М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2005. — 488 с.
5. Кадиевич, А. Деятельность русских эмигрантов-архитекторов в Югославии между двумя войнами // Архитектурное наследие Русского зарубежья. Вторая половина XIX — первая половина XX века. — СПб., 2008. — 427 с.
6. Козлитин, В. Д. Российская эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (1919—1923) / В. Д. Козлитин // Славяноведение. — 1992. — № 4. — С. 7—19.
7. Комин, В. В. Идеиный и политический крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом /В.В. Комин. — Калинин, 1977. — 198 с.
8. Косик, В. И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919—1944 /В. И. Косик // Славяноведение. — 1992. — № 4. — С. 20—44.
9. Косик, В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920—1950-е годы. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2007. — 288 с.
10. Раев, М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939. Пер. с англ. — М. 1996. — 292 с.
11. Российские ученые и инженеры в эмиграции. Сборник/ Рос. акад. наук; Под ред. В. П. Борисова. — М. ПО «Перспектива», 1993. — 188 с.
12. Русская эмиграция в Югославии /Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, каф. славистики Белград. ун-та. — М.: «Индрик», 1996. — 350 с.
13. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический справочник. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. — 742 с.
14. Силкин, А. А. Король Югославии Александр Карагеоргиевич //До и после Версаля. Политические лидеры /Отв. ред. А. Л. Шемякин. — М.: «Индрик», 2009. — 427 с.
15. Славянский вестник: Вып. 2: К 70-летию В. П. Гудкова /Под ред. Н. Е. Ананьевой и З. И. Карцевой. — М.: МАКС Пресс, 2004. — 613 с.
16. Сумская, М. Ю. Русская эмиграция в 20—30-х годах XX века: социальная, правовая и экономическая адаптация. — Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах. — 2011. — 200 с.
17. Танин, С. Ю. Русский Белград /С.Ю. Танин. — М.: Вече, 2009. — 304 с.
18. Тесемников, В. А. Русские в учебных заведениях Югославии (1921—1941 гг.) // Роль Русского Зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. Научная конференция. Тезисы докладов. Москва, 13—15 апреля 1993 г. — М., 1993. — 105 с.
19. Томсинов, В. А. Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции. Статья шестая. Федор Васильевич Тарановский: Судьба и творчество // Законодательство. — 2003. — № 4. — С. 87—90; № 5. — С. 87—91.
20. Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К. Ф. Никифоров. — М.: «Индрик», 2011. — 888 с.